

Благодаря большому опыту работы среди племен Восточной Индии, знакомству с литературой у Рустомджи сложилось собственное мнение о проблеме развития отсталых народов. Он считает, что важнейшим элементом деятельности, направленной на изменение условий жизни отсталых племен, является забота о сохранении ценностей прошлого, придании им звучания, соответствующего происходящим переменам.

Рустомджи осуждает рассуждения о «необходимости цивилизовать», «поднять уровень» и т. д. «Нельзя навязывать унифицированные представления и бюрократические навыки там, где чувство справедливости развито более, чем его можно навязывать законами». «Горцы говорят без опасений, мыслят свободно, нельзя навязывать им какие-либо „современные“ и „передовые“ идеи, которые совершенно не соответствуют условиям их жизни и ходу мыслей. Горцы более прямолинейны и свободны от печальных комплексов, навязанных населению городов искусственной, неестественной жизнью» (стр. 137).

Некоторые из выводов Рустомджи кажутся умозрительными, примером чему могут служить приведенные выше цитаты. В общем-то кажется парадоксальным, что человек, деятельность которого была сугубо практической, в некотором отношении выглядит теоретиком-идеалистом, а не практиком, хотя очевидно, что действия администратора не всегда совпадали с идеями, которые можно утверждать, исповедовать, но очень трудно применять.

Рустомджи скорее воспринял одну из теоретических концепций буржуазной этнологии, чем создал свою собственную, что характерно для правительственных чиновников, и поэтому его рассуждения вообще нельзя признать сильной стороной работы. Однако можно быть благодарным автору за предпринятый им труд, который вводит в научный оборот обширный материал по этнографии народов Восточной Индии.

С. И. Королев

НАРОДЫ АМЕРИКИ

James W. Van Stone. Athapaskan adaptations: hunters and fishermen of the Subarctic forests. Chicago, 1974, 145 p.

Рецензируемая работа «Адаптация атапасков: охотники и рыболовы субарктических лесов» — вторая книга Дж. Ван Стоуна, посвященная атапаскам. Первая вышла почти десятилетие назад. В ней анализировались изменения в хозяйстве, материальной и духовной культуре, а также социальной организации одной из групп атапасков — чайпевайев селения Сноудрифт на берегу Большого Невольничьего озера, — в результате европейского влияния¹.

Задачи рецензируемой монографии шире. По мысли ее автора, она должна быть введением в изучение этнографии северных атапасков, в котором характеризуются наиболее общие черты их культуры, оцениваются разные формы приспособления к различным физико-географическим районам Американской Субарктики. В книге Дж. Ван Стоуна делается упор на вопросы экологии, что вполне понятно, если учесть, что она была опубликована в издаваемой В. Гольдшмидтом серии «Миры человека: исследования культурной экологии». Надо, правда, сразу же отметить, что работе Дж. Ван Стоуна не свойствен жесткий и однозначный экологический детерминизм, который ощущается в некоторых других книгах той же серии, особенно в монографии Б. Меггера «Амазония: человек и культура в поддельном раю»². Напротив, в рецензируемом исследовании подчеркиваются творческие возможности северных атапасков, обеспечивающие многообразие форм приспособления к среде обитания.

Большое внимание автор уделяет и приспособлению северных атапасков к изменениям, вызванным европейской колонизацией и развитием меховой торговли.

Рецензируемая книга состоит из введения, 8 глав, приложения и библиографии. Основному тексту предпосланы два предисловия, первое — от редактора серии В. Гольдшмидта и второе, совсем краткое — от Дж. Ван Стоуна.

В обоих предисловиях подчеркнуто, что северные атапаски меньше известны европейцам, чем, например, эскимосы или индейцы прерий, поскольку их культура не поражала янки в такой же степени, как изощренная технология арктических охотников на морского зверя или воинственность конных охотников на бизона. Культуру атапасков отличала исключительная гибкость в использовании ресурсов многообразной по

¹ James W. Van Stone, The changing culture of the Snowdrift Chipewyan, «National Museum of Canada», Bul. 209, Ottawa, 1965. Рецензию Ю. П. Аверкиевой на эту книгу см.: «Сов. этнография», 1967, № 2.

² B. Meggers, Man and culture in a counterfeit paradise, Chicago, 1971.

своим природным условиям области их расселения. При этом не только технология, но и формы социальных связей атапасков варьировали от района к району, от сезона к сезону в соответствии с разнообразием природной среды. Это результат длительного приспособления к природным условиям Американской Субарктики.

Предполагается, что предки большой языковой семьи на-дене, куда входят и атапаски, переселились на Аляску из Азии через Берингов пролив к 10 тыс. до н. э., т. е. примерно к концу последнего ледникового периода на Севере Америки. По мере исчезновения ледника переселенцы распространялись на восток и на юг через нынешние территории Юкон и внутренние районы Британской Колумбии, достигнув в середине 5 тыс. до н. э. современного штата Вашингтон. К 700 г. до н. э. атапаски еще составляли единую группу, центр расселения которой находился на востоке центральной части Аляски. Позднее началось дробление этой единой этнической общности и к 1000 г. н. э. сформировалась группа так называемых тихоокеанских атапасков, а из тех, кто продвинулся дальше на юг, начали складываться группы апачей и навахов.

В последние столетия атапаски состояли из трех основных групп: северных, тихоокеанских и апачей (вместе с навахами), связанных между собой лишь языковым родством.

Предки атапасков, переселившиеся в Америку, жили сначала в тундре, довольно скоро сменившейся северными лесами. Таким образом, они в течение тысячелетий адаптировались к природным условиям Субарктики. Как мы уже отмечали выше, анализ форм этой адаптации у северных атапасков, живущих в значительной мере там же, где обитали их далекие предки, и является основной темой и содержанием рецензируемой книги.

Автор убедительно обосновывает свой отказ от распространенного в прошлом среди исследователей деления северных атапасков на две группы, а именно, на атапасков арктического и тихоокеанского бассейнов. Дж. Ван Стоун отмечает, что это деление во многом опиралось на неверную оценку значения ловли рыбы (особенно лосося) в хозяйстве атапасков тихоокеанского бассейна. Позднейшие исследования показали, что не только у атапасков арктического бассейна, но и у атапасков тихоокеанского бассейна в хозяйстве велика роль охоты на различных сухопутных животных: оленей-карибу, американских оленей, горных баранов и др. Новая классификация учитывает все основные экологические различия между районами обитания атапасков и делит всю их территорию на пять частей: низменности арктического бассейна, Кордильеры, бассейны Юкона и Кускоквима, бассейн залива Кука и р. Суситна, бассейн р. Коппер.

В рецензируемой книге характеризуются природные особенности этих пяти физико-географических районов и их племенной состав. Автор делает вывод, что за последние 150 лет произошли значительные изменения во флоре и фауне зоны обитания северных атапасков.

В книге не только содержится большой материал о природном окружении атапасков, но и высказываются в этой связи некоторые интересные идеи. Интересна, хотя и дискуссионна мысль, что северных атапасков правильнее всего рассматривать как горный по своему происхождению народ, выходцев из зоны Кордильер.

Требуют дополнительного исследования важные выводы Дж. Ван Стоуна о наличии у северных атапасков культурной и лингвистической непрерывности. Сходные соображения высказывают некоторые исследователи Новой Гвинеи. Дж. Ван Стоун предлагает в связи с этим обсудить, в какой мере к группам атапасков может быть применен термин племя, так как у всех групп северных атапасков нет иных самоназваний кроме термина дене — люди, нет племенной организации, слабо развито племенное сознание.

Нам все же кажется, что употребление по отношению к группам северных атапасков термина племя, как это сделано, например, в монографии Ю. П. Аверкиевой «Индийцы Северной Америки», вполне правомерно и что у атапасков так же, как и у их северных соседей эскимосов, существуют или существовали в прошлом племена как этнические общности. По всей вероятности, ослабление племенного самосознания и других черт, характерных для племени как этнической общности, связано с влиянием меховой торговли, приводящей к концентрации индейцев (а в равной мере и эскимосов) из разных племен вокруг торговых постов и забвению традиционных внутрплеменных связей.

Подробно освещены в книге хозяйство и типы расселения северных атапасков как факторы, обуславливающие их социальные институты. Особое внимание уделено формам хозяйственного приспособления к природным условиям пяти районов расселения атапасков. Заслуживают внимания соображения Дж. Ван Стоуна о том, что все северные атапаски в доколониальный период могут быть отнесены к одному из двух типов: ограниченно бродячему или бродячему с центральной базой.

К первому типу Дж. Ван Стоун относит большинство северных атапасков, а ко второму — тех, кто жил на больших реках Западной Аляски и на морском побережье, т. е. в местах, богатых пищевыми ресурсами, что позволяло вести более оседлый образ жизни. Правда, одновременно автор подчеркивает, что во многих аспектах (в частности, в социальной организации) различия между ограниченно бродячими группами атапасков и бродячими с центральной базой носят скорее количественный, чем качественный характер. Так, ни у тех, ни у других территориальная группа (ингалик и др.)

не является «социальной реальностью», ею является лишь подгруппа или иными словами подразделение племени.

Рассматривая различные типы подобных подразделений и составных частей племени, Дж. Ван Стоун останавливается на вопросе о древности у атапасков материнского рода и подчеркивает, что как матрилинейность, так и матрилокальность издавна присущи атапаскам, а не являются результатами диффузии с северо-западного побережья, как это представлялось Дж. Стюарду и Е. Сервису, и что даже в недавнее время, в этнографическом настоящем, род у атапасков был не только средством «идентификации человека, но и выполнял определенные функции в социальной жизни, хотя и меньше, чем в этнических общностях многих других районов земного шара». Этот вывод Дж. Ван Стоуна о самобытности материнскородовой организации у атапасков хорошо согласуется с теми выводами, которые делает в отношении их традиционного общественного строя Ю. П. Аверкиев в уже упоминавшейся нами монографии. В то же время нам кажется, что в рецензируемой книге несколько переоценивается роль малой семьи у атапасков в период до начала контактов с европейцами.

В главе, посвященной религиозным верованиям, отмечается, что наиболее последовательной чертой магико-религиозной системы северных атапасков является вера во взаимную связь человека с животными, от которых зависит его существование. По утверждению Дж. Ван Стоуна, северные атапаски уделяют религии внимание лишь в тех случаях, когда им требуется какая-то сверхъестественная помощь. В целом же их мало занимают религиозные проблемы. Не случайно, что церемониальная система атапасков в своей большей части не является религиозной.

Интересны мысли Дж. Ван Стоуна относительно места христианской религии в верованиях атапасков. Он пишет, что хотя индейцы рассматриваемого района являются протестантами, католиками или православными, под тонким налетом христианства еще сильны их традиционные верования. При этом две религиозные системы не конфликтуют, а дополняют друг друга, что объясняется, по мнению автора, отсутствием у атапасков глубокой религиозности. Нам кажется, что это обстоятельство способствовало исчезновению к настоящему времени многих традиционных верований.

Значительное место в книге уделено контактам северных атапасков с европейцами. Автор выделяет в истории атапаско-европейских отношений три периода: (1700—1850), период стабилизированной меховой торговли и миссий (1850—1940) и правительственно-промышленный (с 1940 г. до настоящего времени).

Для первого и особенно второго периода контактов характерны большая роль меховой торговли и активность миссионеров, а третьего — упадок трапперства как основного источника доходов и возрастающая роль в жизни северных атапасков деятельности правительственных чиновников и промышленного освоения Севера. Значительное внимание в связи с характеристикой истории контактов автор уделяет социальным изменениям в этот период, таким, как распад традиционной общинной организации, увеличение независимости молодежи в связи с работой по найму и стариков — благодаря социальному обеспечению, возникновению ассоциаций, защищающих права коренного населения и т. д.

В книге рассматриваются отношения северных атапасков не только с европейцами, но и с эскимосами. Так, автор обращает серьезное внимание на недостаточно изученный вопрос о взаимовлиянии эскимосской и североатапаскской культуры, отмечая, в частности, влияние эскимосского жилища на жилище атапасков-ингаликов и на то обстоятельство, что образ жизни атапасков-ингаликов, коюкон, танана и танайна в значительной мере напоминает образ жизни эскимосов внутренних районов Аляски или речных эскимосов, если пользоваться терминологией автора. С середины XVII в. к северным атапаскам через посредство чукчей и эскимосов поступали русские товары.

В XVIII в. чайпевайи, получив у англичан огнестрельное оружие, стали теснить эскимосов к северу. Все эти и другие факты об отношениях атапасков с эскимосами, приводимые в книге, представляют интерес для изучения этнической истории американского севера.

Книга заканчивается кратким приложением, в котором характеризуется состояние изученности атапасков и намечаются задачи для дальнейшего исследования.

В целом рецензируемая книга представляется нам весьма полезной и подводит итоги изучения северных атапасков. Правда, к сожалению, советские исследования по данной тематике учтены недостаточно.

Л. А. Файнберг